

Услышав вопрос Гу Лянвэй, Юэ Чжоу вдруг ощутила, как сильно болят ноги и плечи. На ней были узкие джинсы с широкими штанинами, и, сколько она ни закатывала штанины, они не поднимались выше колен. Гу Лянвэй, видя, как Юэ Чжоу мучается, сказала:

— Лучше снимите их, иначе вино прольётся на штаны, и запах будет сильным.

Юэ Чжоу покраснела. Она не была стеснительной, и перед другой женщиной ей нечего было стыдиться, но всё же немного колебалась, прежде чем снять джинсы. Сняв их, она первым делом посмотрела на свои трусы с изображением Губки Боба. Они были удобными, хлопковыми, с эффектом подтяжки, и обычно Юэ Чжоу заботилась только о комфорте, но сейчас она жалела, что выбрала такую невзрачную модель.

Гу Лянвэй не обратила внимания на трусы Юэ Чжоу, а сосредоточилась на её колене, которое уже почернело от удара. Она вздохнула, велела Юэ Чжоу лечь и начала наносить горячее вино на её ногу. Юэ Чжоу, увидев, как Гу Лянвэй поджигает вино, немного испугалась и спросила, не горячо ли. Та спокойно ответила, что не чувствует ничего.

Горячее вино было народным средством, и, когда горящий спирт касался синяка на бедре Юэ Чжоу, это было приятно тепло. Лежа с обнажёнными ногами, Юэ Чжоу чувствовала себя неловко и, чтобы отвлечься, украдкой разглядывала Гу Лянвэй. У той были длинные тонкие пальцы, а ладони, массирующие бедро Юэ Чжоу, были сильными. Юэ Чжоу чувствовала, что на ладонях Гу Лянвэй были мозоли, которые слегка царапали и щекотали её кожу. Гу Лянвэй сосредоточенно массировала Юэ Чжоу, слегка прикусив губу. Она уже переделалась в свободную одежду для сна, и, наклоняясь к Юэ Чжоу, обнажала свою изящную ключицу, а порой можно было увидеть и больше. На шее Гу Лянвэй висела красная нить, на которой, вероятно, было что-то подвешено, но сама нить, обвивающая её тонкую шею, выглядела красиво.

Честно говоря, Гу Лянвэй была очень красивой и обладала чистым лицом. Это лицо добавляло ей много очков. Юэ Чжоу думала, что если бы Гу Лянвэй выглядела зловещей и была такой же язвительной, то, как бы та ни старалась, она не смогла бы вызвать у неё благодарности.

Этот мир, где всё решает внешность, действительно удручает.

Гу Лянвэй была действительно красивой. Видимо, здешняя природа благотворно влияла на неё. У неё было чистое, естественное лицо, а её длинные чёрные волосы, распущенные перед сном, подчёркивали белизну её кожи, создавая расслабленную сексуальность. Жаль только, что она редко улыбалась. Юэ Чжоу подумала, что если бы Гу Лянвэй чаще проявляла эмоции и улыбалась, она была бы ещё красивее.

Осознав, что слишком долго разглядывает другую женщину, Юэ Чжоу сдержанно кашлянула, чтобы скрыть щекотание в горле, и отвела взгляд. Но даже не глядя, она чувствовала, как руки Гу Лянвэй массируют её бедро, касаясь интимной зоны. Юэ Чжоу не только ощущала тепло от горячего вина, но и вся покраснела, как варёный рак, сердце бешено колотилось, и она не могла успокоиться.

Юэ Чжоу знала, что это странно.

Очень странно.

Она украдкой потрогала своё лицо — оно было горячим.

Заметив беспокойство Юэ Чжоу, Гу Лянвэй подняла голову и успокоила её:

— Не бойся, ничего не загорится.

Юэ Чжоу прикусила губу и кивнула, боясь, что, заговорив, выдаст своё волнение. Она боялась, что её голос дрогнет, и это будет ещё страннее.

Гу Лянвэй размяла синяк на бедре Юэ Чжоу и перешла к её плечу, которое тоже посинело после удара о стену духов. К счастью, не нужно было снимать верхнюю одежду, достаточно было закатать рукав, что немного успокоило Юэ Чжоу.

Массаж плеча был более расслабляющим, чем бедра. Юэ Чжоу спокойно лежала на подушке, тихо сглатывая слюну, пока сердцебиение не нормализовалось.

Им предстояло вместе отправиться в поселок Инь, и Юэ Чжоу хотела наладить отношения с Гу Лянвэй. Однако та согласилась на поездку только из-за возвращения Сюй Гуанчуаня, и это было не по её желанию. Мысль об этом омрачила настроение Юэ Чжоу. Она боялась смотреть на лицо Гу Лянвэй, спрятала лицо в подушку и тихо сказала:

— Прости.

Гу Лянвэй на мгновение остановилась, затем продолжила массировать плечо Юэ Чжоу.

— Возможно, без тебя Сюй рано или поздно узнал бы, что я жива. Некоторые вещи предопределены, и от них не убежишь, — спокойно сказала Гу Лянвэй, без упрека.

Однако Юэ Чжоу не могла избавиться от чувства вины и всё ещё не решалась смотреть на неё. Она хотела спросить, в чём заключался конфликт между семьёй Гу и Сюй Гуанчуанем, но, понимая, что уже наделала ошибок, не стала лезть в чужие раны.

Массаж с горячим вином, который делала Гу Лянвэй, был не хуже, чем в салоне красоты. Видимо, она не впервые делала это, так как её движения были уверенными, а сила нажатия идеальной. Юэ Чжоу наслаждалась процессом, тихо лежа и не находя тем для разговора с Гу Лянвэй. Когда пламя в миске погасло, Гу Лянвэй заметила, что Юэ Чжоу заснула.

Она слегка толкнула плечо Юэ Чжоу, но, увидев, что та не просыпается, не стала её будить. Протёрла плечо Юэ Чжоу влажным полотенцем, чтобы убрать остатки спирта, Гу Лянвэй вышла из комнаты, вылила вино и помыла руки, чтобы избавиться от запаха. Возвращаясь, она увидела, что свет в комнате бабушки ещё горит, и направилась туда.

— Бабушка, ты ещё не спишь? — спросила Гу Лянвэй, открывая дверь.

Войдя, она увидела, как бабушка в панике прячет что-то в сторону. Гу Лянвэй уже успела разглядеть, что в руках у бабушки был обожжённый черепаший панцирь, а в другой руке, вероятно, монеты для гадания.

Гу Лянвэй почувствовала горечь. Бабушка волновалась за неё и всё же погадала. По её виду было понятно, что результат был неблагоприятным. Хотя Гу Лянвэй и без гадания понимала, что возвращение из поездки в Инь маловероятно. Сюй Ци умер, а она осталась жива, и Сюй Гуанчуань никогда не простит ей этого. Но если она не поедет с ним, бабушка пострадает, а она уже слишком стара для таких потрясений.

Гу Лянвэй сделала вид, что смеётся, и пошутила:

— Бабушка, мы же договорились не гадать?

Улыбка её была красивой, глаза блестели, как звёзды.

Но бабушка не была в настроении шутить. Она крепко сжимала монеты, так сильно, что они впивались в кожу, и смотрела на Гу Лянвэй с покрасневшими глазами.

Гу Лянвэй поняла, что результат гадания был крайне неутешительным.

Гу Лянвэй перестала шутить, подошла к бабушке и обняла её, успокаивая:

— Бабушка, не волнуйся. У меня счастливая судьба, всё будет хорошо.

Бабушка крепко сжала руку Гу Лянвэй, словно так могла удержать её от ухода. Её сухая ладонь напряглась, на ней выступили вены, и рука Гу Лянвэй тоже болела, но она оставалась спокойной, как всегда, будто ничего не волновало её. Однако Гу Лянвэй всё понимала.

Она мягко погладила плечо бабушки, обняла её и спокойно, уверенно сказала:

— Бабушка, не волнуйся. Я ещё молода, и в жизни много возможностей. «Всё имеет свой предел, а за ним — перемены», — разве не так говорил дедушка? Я поеду с Сюй в гробницу Инь, это безопаснее, чем если бы ты поехала с ним. Я обязательно вернусь. Как я могу позволить тебе хоронить меня?

Гу Лянвэй улыбнулась:

— Бабушка, просто жди меня здесь, живи спокойно, танцуй на площади, играй в карты. Когда я вернусь, всё будет как прежде.

Авторская заметка: Главное — это моя интересная душа!

<http://bllate.org/book/16246/1460884>